

УДК 821.111-312.А
ББК 84(0)-9-44я43
Х19

Составитель серии *А. Лидин*

В книге использованы иллюстрации
Джозефа Клементя Колла (1881—1921)

Ханшеу Т.
Х19 Человек из Скотланд-Ярда. — М.: ИД «Флюид ФриФлай»,
2019. — 400 с.

Томас Ханшеу родился в Бруклине в 1857 году. С 16 лет играл в театре, сначала второстепенные роли, позже — главные. В 1892 году вместе с семьей переехал в Великобританию. Известность Томасу Ханшеу как автору принесла серия книг о «человеке с тысячью лиц» Гамильтоне Клике (к этой серии принадлежит и представленный нами роман «Человек из Скотланд-Ярда»), впервые появившемся в рассказах в 1895 году.

ЧЕЛОВЕК ИЗ СКОТЛАНД-ЯРДА

Пролог

ПОИСКИ ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ ИСЧЕЗ

ГОСПОДИН МАВЕРИК НЭРКОМ, суперинтендант Скотланд-Ярда, отбросил в сторону газету, которую читал, и развернулся в своем крутящемся кресле, насторожившись, как терьер, который учуял крысу.

Он знал хорошо, что предвещали шаги в коридоре, ведущем к его кабинету. Его посыльный наконец возвращался.

«Отлично!»

Теперь он займется реальными вопросами, вместо того чтобы копаться в горах насмешек придирчивых критиков и колкостей фанатичных репортеров, которые, казалось, решили, что Скотланд-Ярд, как и все силы правопорядка, вместе взятые, — скопище кретиннов, раз каждый злодей в Лондоне не был призван к ответу и не все гнусные тайны трущоб раскрыты.

«Шайка бездельников! Поручить бы этим горлопанам расследование, чтоб на собственной шкуре оценили, насколько проста работа полиции! Раз они такие умные, посидели бы до двух часов ночи в кабинете, попытались сложить фрагменты головоломки, в поисках убийцы, которого никто не видел. Да и кто убивал способом, который ни медицинская наука, ни юридический опыт не могли идентифицировать. Черт их всех побери...»

Дверь открылась и закрылась, и сержант уголовной полиции Петри шагнул в кабинет, снял шлем и застыл по стойке «смирно».

— Ну что там? — прорычал офицер, нервно постукивая пальцами по столу. — Говори! Это была ложная тревога или нет?

— Нет, сэр. Дела еще хуже, чем нам сообщили. Все оказалось много страшнее...

— Боже! Вы имеете в виду... Он мертв?

— Да, сэр. Мертв как Юлий Цезарь. Умер за двадцать минут до моего прибытия, — последовали громкий щелчок пальцев и резкое движение руки. — Так же, как другие, сэр. И никаких следов того, что вызвало смерть. Это пятый подобный случай, шеф! Никаких следов! Газеты опубликуют отчеты завтра.

— Отчеты? Они теперь считают нас совершенно беспомощными? — тут Нэрком всплеснул руками и рассмеялся безрадостным, нервным смехом. — Они могут вылить на нас еще больше помоев, разве нет? Повесить на нас еще больше собак? Выставить нас еще большими идиотами?.. Отнюдь не лучшее утешение для замученного жизнью налогоплательщика — узнать, что в любой момент, в любой час дня и ночи его может прикончить неизвестный злодей и что начальники учреждения, которое охраняет его покой за его же счет, способны сообщить его безутешной семье только: «Вот это да! Ну, ничего себе!» В городе воцарилась атмосфера чрезвычайного замешательства. Теперь мы должны доказать, что эффективность нашей уголовной полиции достаточно высока, чтобы не служить объектом издевательских фельетонов. И все это валится на мою голову, день за днем!.. Как будто я проклят, как будто все эти неудачи только того и ждали, пока я займу это кресло. И никакого внимания ошеломительному успеху прошлых шести лет. Ни единого слова о том, как полицейские управления других стран завидовали и жаждали обучиться нашим методам. Два месяца неудач, и все забыто! Господи, Гарри!

Я готов обратиться к самому дьяволу, лишь бы заставить этих газетных писаек взять свои слова обратно!

— Так почему вы не сделаете так, сэр? — тут Петри понизил голос на тон или два и настороженно осмотрелся по сторонам. Лишь убедившись в отсутствии посторонних, что в этих стенах само по себе было невозможно, он набрался храбрости заговорить вслух. — Бесплезно отрицать факты, господин Нэрком, что он не был одним из нас — одним из штатных сотрудников, я имею в виду, — тот парень, кто тянул на себе нашу контору в последние годы. Я имею в виду Клика, сэр. Вы знаете это, и я это знаю. Не знаю, в споре вы с ним, или же он отправился на выполнение сугубо секретной миссии, которая мешает ему заниматься текущими вопросами Скотланд-Ярда. Но если это не так, послушайте моего совета, сэр: немедленно вызовите его и поручите ему это расследование.

— Прекратите нести вздор! Вы думаете, что я ждал бы до сих пор, если бы мог что-то сделать? Поручить Клику это расследование! Как, заберите мою душу дьявол, я могу сделать это, если я не знаю, где его искать? Он исчез вскоре после случая с Лапой Пантеры, шесть месяцев назад. Бросил свое жилье, дал расчет домработнице, уволил своего ассистента, Доллопса, и уехал, господь знает куда и почему, — прорычал Нэрком.

— Ого! Так вот почему о нем ни слуху ни духу в нашей конторе? А я-то все это время пытался понять, в чем дело! Клик исчез, а? Ну, хорошо! Вы не думаете, что он мог вернуться к своему старому ремеслу? Вновь стал неуловимым взломщиком?

— Нет, это исключено. Никогда не стоит ждать предательства от этого парня, Джеймс! Он полностью перековался. В последний раз, когда я видел его, он делал покупки с мисс Элизой Лорн — девушкой, которая вскружила ему голову. И судя по их взглядам друг на друга, я полагаю... Хорошо, не важно! Это не

имеет никакого отношения к нашим делам. Кроме того, я уверен, что если бы они собирались под венец, госпожа Нэрком и я были бы приглашены. Все, что Клик сказал мне перед тем, как исчезнуть, сводилось к тому, что он собрался отдохнуть. Он не сказал, почему, и он не сказал, где. Я проклинаю себя за то, что не спросил его об этом... Я проклинаю себя за это с тех пор, как той чертовке-француженке удалось сойтись с крючка и слинять.

— Имеете в виду ту девку, которую мы взяли в доме на Рогэмpton вместе с бароном Моравии? Да, ту историю с «Серебряной ловушкой»... Марго, королеву апашей¹. Вроде бы вы называли ее именно так.

— Потому что это она и была! Я уверен в этом на все сто. Я никогда не видел ее до той ночи, это верно, но Клик сказал мне, что это — Марго... И кто может знать это лучше, чем Клик, если она была его дамой и сообщницей? Но это — один из чертовых недостатков британской юстиции. У нас слово жулика имеет тот же вес, что и слово офицера, если оно не опровергнуто фактическим доказательством... Та женщина привела

¹ Апаши (*фр. Les Apaches*) — криминальная субкультура в Париже, столице Франции, существовавшая в конце XIX — начале XX веков. Получили свое название в честь индейцев апачей, так как якобы не уступали им в жестокости и «дикости».

Апаши орудовали в основном в Бельвиле, Бастилии, Монмартре, но также и в других районах Парижа. Многие апаши были вооружены особыми револьверами «Апаш», рукоятки которых представляли собой кастеты, а под барабанами прикреплялись складные ножи. Основными видами преступлений, совершаемых апашами, были грабежи уличных прохожих, чаще всего представителей среднего класса, и погромы финансовых и развлекательных учреждений. Возраст большинства бандитов не превышал 20 лет. Для апашей было характерно наличие большого количества специальных атрибутов, по которым они могли распознать друг друга в толпе или при разговоре: особая одежда (например, красные пояса, «мятые» рубашки и жёлтые сапоги), выразительные жесты, особые татуировки.

Банды апашей были разгромлены парижской полицией к началу 1910-х годов (*прим. переводчика*).

дюжину свидетелей, чтобы доказать, что она почтенная австрийская дама, находящаяся в гостях у своего сына в Англии. То, что машина, в которой она приехала, сломалась примерно за час до нашего прибытия в дом на Рогэмптоне, и что та дама была просто приглашена в дом и ждала, пока ее шофер занимался ремонтом... Конечно, шофер был представлен суду, как и хозяин гаража, в котором ремонтировали злосчастный драндулет; так что, когда арестованный моравиец признался, что так все и было, у суда не осталось вопросов. Я не мог удостоверить ее личность, а Клик, который мог, пропал. Господь знает, где его носило. Тогда добросердечный судья отпустил женщину под залог, передал ее в руки адвокатов, ожидая, пока мы не найдем кого-нибудь из Парижа, чтобы идентифицировать ее. Но едва лисица была освобождена, ее и след простыл! Ни один человек в Англии больше ее не видал. Если б мне перекинуться хотя бы словом с Кликом, ей было бы не сорваться. Но его куда-то черти унесли!

— Думаю, нам не стоит убиваться и ломать голову по поводу бегства этой дамочки, — вздохнул Петри, поглаживая подбородок. — Она свалила назад в Париж, и я думаю, сэр, забила там в нору, как любая лиса. Я слышал, что французские детективы столь же жаждут взять ее за жабры, как и мы, но она — дамочка скользкая, как угорь. Никому еще не удалось ее изловить. Можно сто раз увидеть ее, но так и не узнать, кто она на самом деле.

— Точно! Даже Клик не знает ничего о том, кто она на самом деле. Он признавался в этом мне. Да, я тоже считаю, что она действительно вернулась в Париж. Это для нее самое безопасное место. И для нее и ее шайки там раздолье. Прямо-таки город мечты!

— Да, сэр. Король Ульрик Моравский¹ сейчас там, как гость республики. Забавное время для короля, не

¹ Моравия, государство, существовавшее на юго-востоке Чешской республики. В 1918 году вошло в состав Чехословакии (*прим. редактора*).

правда ли, посещать другую страну, когда революция на носу в его собственной стране? Не зная много об обычаях королей, шеф, рискну заметить, что я на его месте занялся бы наведением порядка дома.

— Дипломатия, Петри, дипломатия! Их величество нашел безопасное местечко. Слухом земля полнится, что принц Как-Его-Там, сын и наследник покойной королевы Кармы, не только все еще жив, но и здоровствует и в течение текущего года тайно посетил Моравию лично. Газеты пишут, что даже непреклонный старый роялист, граф Ирма, вовлечен в революционное движение и что, согласно распоряжению короля, он был арестован и заключен в тюрьму в форте Сулберга, за подготовку мятежа. Добрый старый Джонни... Надеюсь, что его не рискнут тронуть. Он был в Англии не так давно. Прибыл, чтобы проконсультроваться с Кликом по поводу потерянного жемчуга. Не хочу думать, что ему что-то угрожает. Надеюсь, он выйдет сухим из воды; но если нет... В общем, нам сейчас не до международной политики... У нас есть неуловимый серийный убийца и свора бешеных газетчиков. Ну что за черт! Почему я не знаю, где прохлаждается этот мерзкий Клик!

— Разве вы не можете найти кого-то, кто подскажет, где Клик, сэр? Какой-нибудь знакомый... кто-то, кто видел его или, возможно, получил известие от него?

— Только не надо этих песен! — хмыкнул Нэрком коротко, иронично. — Друзья! Какие друзья были у него, кроме меня? Кто знает его лучше, чем я? А что знаю о нем я? Ни-че-го! Ни его происхождения, ни его настоящего имени. Только то, что он принял решение назвать себя Гамильтоном Кликом и бороться за торжество Закона столь же же яростно и самоотверженно, как когда-то он боролся против него. И где я найду человека, который бы «видел» его, как вы предлагаете... Или знал бы его, учитывая его уникальный дар перевоплощения? Вы никогда не видели его реальное лицо — никогда за всю вашу жизнь. Я тоже никогда не видел его,

даже встречаясь с ним на улице, не узнавал его, даже если смотрел ему в глаза. Но он прилетал пулей, если знал, что он нужен мне! Только где он?

Воображение никогда не было одной из сильных сторон Петри. Его разум всегда предпочитал наезженные дорожки. И сейчас он нашел подходящую колею.

— Почему бы вам не дать объявление? Поместите личное объявление в утренние газеты, сэр. Клик, несомненно, читает новости каждый день и неизбежно прочтет ваше послание. А если даже нет, до него дойдут слухи о том, что вы его ищете.

Нэрком внимательно посмотрел на Петри.

Предложение сержанта было тривиальным до пошлости, обычным, что даже не пришло в голову суперинтенданту! Связаться с Кликом через колонку для найма посудомоек и признаний в любви прыщавых подростков! Сама возмутительность этой идеи была гарантией успеха!

— Джеймс, я полагаю, что в вашей идее что-то есть! — воскликнул он. — Если даже поползут слухи.... Хотя это не имеет значения, главное, чтобы он вышел на связь, чтобы узнал, что нужен мне! Звоните в «Дэйли мэйл», пока я пишу объявление. Скажите им, что это срочно, в утренний выпуск. Я передам текст им по линии сам, через минуту.

Нэрком склонился над столом, обмакнул ручку в чернильницу и принялся писать с такой поспешностью, что закончил прежде, чем Петри успел сказать в трубку:

— Да... Это Скотланд-Ярд. Оставайтесь на линии, пожалуйста... Старший офицер Нэрком хочет говорить с вами...

Просьбы Скотланд-Ярда в любом случае рассматриваются с уважением и любезностью даже чудовищами пера ежедневной прессы.

Таким образом, дело было улажено, невзирая на поздний час, и утром полдюжины газет украсились выделенным объявлением в рамке:

*Клик, где вы? Срочно объявитесь. Это крайне важно.
Нэрком.*

Ожидаемое случилось, а неожиданное последовало за ним по пятам...

Ежедневная пресса, публикуя полный отчет о последних дополнениях к уже длинному списку таинственных убийств, которые в течение двух недель подряд наводили ужас на общество, надрывалась от гневных криков и захлебывалась слюной, так что сама газетная бумага пожелтела от стыда.

Дневной и вечерний выпуски были еще хуже — между завтраком и обедом еще один человек пал жертвой таинственного убийцы, и газеты раздували панику, разносили ее из конца в конец Лондона.

*Система уголовной полиции страны сгнила на корню!
Правительство должно немедленно вмешаться!*

Это национальный позор, когда самый передовой город цивилизованного мира вынужден трястись от страха, а убийца гуляет на свободе! Может ли быть что-то ужаснее?

Как оказалось — могло!

Вечерние выпуски газет сообщили об этом раньше, чем об этом узнал сам Скотланд-Ярд. Это было напечатано огромными буквами на первой полосе всех центральных газет:

**ЛОНДОН ВО ВЛАСТИ УЖАСА
КРОВАВОЕ ЗЛОДЕЯНИЕ НА КЛАРДЖЕС-СТРИТ
ЗЛОДЕИ ПЕРЕШЛИ К ДИНАМИТУ!**

Кларджес-стрит!

Старая улица тех «волшебных» прежних времен Клика, времен тайны Красного Лимузина и других успешно раскрытых зловещих тайн!

Нэрком схватил вечернюю сводку происшествий по городу и начал читать, затаив дыхание.

Это был обычный зашифрованный отчет штаб-квартиры, и расшифровка гласила:

16:28

Попытка теракта, предпринята неизвестными лицами. Взорван дом на Кларджес-стрит, Пикадилли. Есть жертвы. Три человека получили ранения. Двое убиты. Никаких следов злоумышленников. Квартиро-съемщики — семья из Эссекса. Вехали два дня назад. Дом в течение многих месяцев ранее пустовал. Ранее был занят отставным моряком, капитаном Горацио Бербэджем, который...

Нэрком не стал читать дальше. Он отбросил отчет в сторону и рухнул в кресло, не то плача, не то смеясь.

— Теперь я знаю, почему он смылся! Старый добрый Клик! Запуганный старый Клик! — бормотал он. Внезапно он остановился, как будто некто невидимый схватил его за горло, но уже в следующий миг вскочил на ноги и начал мерить шагами комнату. Его лицо побавровело. Если бы он выражал свои мысли вслух, то они звучали бы так:

«Это дело рук команды Марго, конечно же. И Клик, должно быть, предположил, что они планируют что-то вроде этого. Если бы он остановился там, после Серебряного дела... или молодчики Марго, или моравийцы его без сомнения достали бы. И те, и другие висели у Клика на хвосте постоянно. Интересно, почему? Что за чертовщина, если подумать, могла заставить премьер-министра Моравии заинтересоваться делами бывшего взломщика? Боже! А ведь порой дела Марго затрагивают интересы высшего общества! Премьер-министр Моравии! И тому пришлось наплевать на пятнадцать лет, потраченных на то, чтобы поймать Марго и позволить ей ускользнуть! Выиграть и... упустить ее, ради

того, чтобы попытаться поймать одного бывшего преступника. Интересно, когда и как Клик успел нажать себе врага в ее лице? Или он просто заметал следы, обеспокоенный тем, чтобы о нем ничего не узнал никто из его криминального прошлого? Хитрый Клик опять обыграл всех... Но теперь он может спокойно заняться таинственным убийцей, терроризирующим Лондон, теперь, когда это дело на Кларджес-стрит закончено! Старый добрый Клик! Он опять обыграл всех! Возвращайся же, чертяка! Когда же ты выйдешь из подполья, старина, и к нам вернутся старые добрые времена?»

Взгляд офицера упал на телефон. Он замер, прекратив ходить из угла в угол, и на лице его появилась довольная улыбка.

— Сейчас ты зазвонишь, дружок, — оптимистично сказал он, обращаясь к телефону. — Я знаю Клика, он не станет медлить! Теперь он примчится пулей. Я скоро услышу его, Джеймс! Несомненно.

И надо сказать, его оптимистические ожидания блестяще оправдались. Но совсем не так, как он ожидал...

БЫЛА УЖЕ ПОЛОВИНА восьмого, когда в дверь кабинета суперинтенданта постучали, затем она открылась, и в кабинет заглянул секретарь.

— Человек, желающий говорить с вами, сэр, конфиденциально, — объявил он. — Говорит, что он по объявлению в утренней газете.

— Пустите его! Давайте его сюда немедленно! — взволнованно воскликнул Нэрком. — Давайте его сюда; и не впускайте никого больше, пока я не освобожусь.

Затем, как только швейцар вышел, полицейский пересек комнату, задернул тяжелые шторы, включил электрическое освещение, приставил к своему столу еще одно вращающееся кресло, раскрасневшись, выдвинул ящик стола и достал коробку с любимыми папиросами Клика, которая ждала своего часа в течение многих недель.

Дверь кабинета стремительно открылась и вновь захлопнулась, прежде чем крышка коробки успела открыться, и в кабинет скользнул помощник Клика — Доллопс.

— Привет!.. Он прислал тебя, мартышка? — весело спросил Нэрком, увидев мальчишку. — Я знал, что я услышу о нем сегодня, знал! Он послал тебя ко мне? Он приедет сам или хочет, чтобы я приехал к нему? Ну, говори же, и... Господи! Что с тобой? Что случилось? Что-то не так?

Лицо Доллопса помрачнело, глаза мальчишки наполнило безнадежное отчаяние.

— Сэр... — он шагнул навстречу Нэркому и начал тараторить, словно запыхавшийся бегун: — Сэр, это не правда? Это ведь розыгрыш, шутка, хитрый план, и сейчас вы скажете мне, что пошутили? Вы же не хотите сказать, что это правда, сэр, не так ли? Неужели вы тоже не знаете?

— Не знаю? Не знаю что?

— Где он... Что с ним? Господин Клик, мой хозяин, сэр. Я решил, что вы должны знать, раз разместили это объявление... Потому я и пришел, сэр... Я бы не пришел, но увидел это объявление и забеспокоился... Неужели вы хотите сказать, что не знаете, где он, и даже не видели его?

— Нет, не видел. Господи! Разве ты не знаешь, где он сейчас?

— Нет, сэр. Я не видел его ни разу, ни единым глазом, с тех пор как он отослал меня к морю, полгода назад. Все, что он сказал мне, когда мы расставались, когда я уезжал, было то, что мисс Лорни ненадолго уедет в Индию, к капитану и госпоже Оксли — леди Чепстоу, что он какое-то время перекантуется один, и я не должен волноваться. С того часа я не видал его ни разу, сэр.

— И не получал известий от него? — спросил Нэрком мрачным тоном, сжав рукой спинку кресла, на которую опирался.

— Да, сэр. Были письма, а то я сбежал бы оттуда, если бы я не получал их. Или скорее две записки. Первая с распоряжениями и приказами, что мне делать на новом месте, он прислал мне ее из-за Канала четыре недели назад. Вторая, в прошлую пятницу, сэр, когда он написал мне то, из-за чего я места себе не нахожу, с тех пор как я услышал в Чаринг-Кросс о взрыве на Кларджес-стрит, сэр.

— И что было в той, второй, записке?

— Да ведь, сэр, он написал, что будет там. Он вспомнил о бумагах, которые оставил, а точнее, забыл в своем старом логове, и написал, что заберет ключ и побывает в старом доме Кларджес-стрит по пути домой. Сообщил, что прибудет в Англию или вчера во второй половине дня, или сегодня, сэр. Он обещал мне телеграфировать из Дувра, сразу как прибудет туда. И он не сделал этого! Не знаю, жив ли он!

— Боже! — Нэрком вскочил, словно ужаленный, с побледневшим лицом, искаженным в приступе паники.

— Он никогда не делал так раньше, клянусь! — залопотал Доллопс в ужасе. — У меня никогда не было счастья в жизни, а теперь вот этот ужас. Он, без сомнения, отправился туда, и если он был там...

Если Доллопс и хотел сказать больше, резкий сигнал звонка не дал ему этого сделать. Нэрком нажимал на кнопку с остервенением. Грозный звон наполнил коридоры. И в ответ на звонок в коридорах загрохотали сапоги.

И вот уже Леннард, шофер, возник на пороге, словно чертик из коробочки.

— Подайте лимузин... Быстро! К месту взрыва на Кларджес-стрит сначала, а если тела жертв уже увезли, то в морг без задержки, — приказал Нэрком.

Он заскочил в гардероб, схватил шляпу и пальто и помчался из кабинета, словно спасаясь от пожара.

— Быстрее! — крикнул он Доллопсу, ураганом вырвавшись в коридор.

— Если он был в доме! Если они заполучили его после всего... Быстрее! Быстрее!

Доллопс мчался следом. Две минуты спустя красный лимузин вылетел на шоссе и принялся пожирать расстояние между Скотланд-Ярдом и Кларджес-стрит, поглощая по миле в минуту.

ПРИБЫВ НА МЕСТО происшествия, они выяснили, что останки — буквально «останки», так как несчастных разорвало на кусочки, — были, действительно, отправлены в морг. Нэрком и Доллопс поспешили туда, почти не в силах скрыть волнение. Останки обоих мужчин были страшно искалечены, опознание по лицам казалось решительно невозможным. Вся надежда была на Доллопса, который мог знать какие-нибудь отличительные признаки, особые приметы Клика. Поэтому Нэрком ощутил постыдную радость, неуместную в этой обители смерти, когда молодой человек заявил:

— Сэр, независимо от того, что случилось с Кликом, слава богу, его здесь нет!

— Значит, они до него не добрались! — воскликнула Нэрком, впервые за несколько часов улыбнувшись. — Однако нет никаких сомнений в том, что преступники стремились прикончить его, а люди, которые пострадали, погибли, в сущности, совершенно случайно, войдя в заминированный дом. Несомненно, человек или люди, которые подложили или бросили бомбу, знали Клика и то, что он жил там, как капитан Бербэддж. Марго знала об этом, знала, что дом все еще занят, но не знала, что Клик уехал!

— Марго!

Это имя вытащило на белый свет потаенные страхи Доллопса. Он обернулся к Нэркому, который стоял, нервно теребя свой рукав.

— И логово Марго в Париже... Сэр, разве я не сказал вам, черт меня побери, что Клик писал мне именно из Парижа?

— Что! Из Парижа?

— Да, сэ. Он не сказал, откуда именно, из какой части города. Не знаю, но он был там, так или иначе... Послушайте меня, сэ. Они все там — моравийцы и Марго. Вы знаете, что у обеих шаек есть свой зуб на него. Я не знаю, знают ли моравийцы про него, сэ... Он же никогда ничего лишнего никому не говорит. Я не исключение, но, вероятно, обе шайки гоняются за ним, с тех пор как он отправился за пропавшим жемчугом!... Боже! — голос юноши поднялся почти до визга. — Если одна шайка не смогла его достать, это может получиться у другой, и... сэ... апаши уже в Лондоне, я видел их сегодня вечером... Я уверен!.. Я видел их.

— Видел их? Когда? Где?

— На вокзале Чаринг-Кросс, сэ, перед тем как пошел к вам, прикиньте! Поскольку у меня не было телеграммы от Клика, я начал нервничать, поперся на вокзал, на удачу, надеясь встретить его с поезда. И там я видел, как они, апаши, сэ, шляются вокруг платформы, с которой отходит девятичасовой поезд на Дувр. Я сразу их узнал по походке, по шмоткам, по прическам. Переговариваясь и смеясь, они так и зыркали глазами, как будто ждали кого-то, и они собирались к себе, на материк, потому что билеты на пароход у них были воткнуты за ленты шляп. Один из них купил газету, увидел в ней что-то и давай пальцем тыкать. Остальные подбежали... Смотрят... Рожи у всех, как у котов, которые сметаны объелись. Я выждал минуту и тоже газету купил, глянуть, на что они так возбудились. Сэ, это было ваше объявление для Клика. Я тут же побежал ловить такси, поехал к вам, сэ, и тут как раз мимо меня бежит газетчик и орет о взрыве; а потом, сэ, у меня крыша поехала...

ОНИ СТОЯЛИ НА тротуаре, возле лимузина, когда мальчишка произнес последние слова. Тут Нэрком, не теряя ни секунды, кинулся к машине, приказав водителю:

— На вокзал Чаринг-Кросс, с такой скоростью, до какой можно разогнать этот драндулет! Последний поезд к ночному рейсу парохода уезжает около девяти. Нам надо успеть, даже если машина развалится ко всем чертям! — чуть ли не кричал он.

— Будет сделано! Полторы минуты! — отозвался Леннард, бросив взгляд на циферблат часов на панели управления. И едва пассажиры взгромоздились в машину, он завел мотор, отжал сцепление, а затем рванул вперед, дав «полный газ».

Но даже лучший из двигателей не может сделать невозможное возможным. Ворота на перрон оказались закрыты, сигнал семафора вниз, поезд уже отходил, когда они добрались до станции, и даже мандат суперинтенданта не мог остановить поезд.

— Много у нас бензина? — Нэрком обернулся к Леннарду.

— Много, сэр.

— Хорошо... Идем на обгон! Судно выходит из Дувра в одиннадцать. Я должен успеть. Ясно?

— Да, сэр. Но вы можете телеграфировать и задерживать отправление судна.

— Ни в коем случае! Корабль должен отплыть вовремя. Я должен подняться на борт, не будучи замеченным, без сопровождения, не вызывая подозрений. Обгоните этот поезд... Вы слышите меня? Быстрее! Я хочу добраться туда и подняться на борт, на судно, прежде, чем те, кому я сажусь на хвост. Вы хотите знать, зачем все это? Если так, сообщаю: господин Клик в Париже, и он в опасности!

— Господин Клик в опасности? Господи! Едем же быстрее, сэр, летим! Мы обгоним этот поезд, даже если я снесу машиной весь порт! Просто позвольте мне добраться до шоссе, и я покажу вам «Формулу-1»!

И он показал... Едва город остался у них за спиной, водитель надел защитные очки, надвинул на глаза кепку и склонился к рулю.

— Ради Клика... пожалуйста... — шепнул он автомобилю, как будто это был человек. — Не подведи, машинка! Давай! Вперед! Быстрей, лисичка! Быстрее!

С диким ревом и грохотом автомобиль рванулся вперед, как будто все бури вселенной вселились под капот, и дикая гонка к побережью началась.

— Пригнись. Уцепись за что-нибудь подходящее и пригнись, — приказал полицейский Доллопсу. — Мы не можем рисковать тем, что кто-нибудь узнает в тебе парня, который сегодня вечером болтался вокруг станции. Бог знает куда нас выведет этот путь, но если он приведет к Клику, я готов мчаться на край и за край света! — Затем, перекрикивая рев мотора, он закричал водителю: — Быстрее, Леннард, быстрее! Жми на полный! Давай! Мы должны обогнать этот поезд!

Они обогнали поезд. Свет фар локомотива даже еще не показался вдали, когда яркий отблеск луны на водах Канала вспыхнул в темноте перед ними. Еще не было слышно ни звука приближающегося поезда, когда несколько минут спустя лимузин повернул вниз по склону и остановился в двух шагах от входа на причал, возле которого темная масса парохода мерно качалась на волнах.

— Славная машинка, не правда ли, сэр, — сказал Леннард, посмеиваясь, открывая дверь Нэркома и полагая ему выйти. — Но дальше лучше пешком. Там, рядом с трапом, стоит парень, и он, кажется, интересуется нами, пялится на нас, как баран. Выпрыгнул как чертик из табакерки и спустился по трапу, как только услышал, что мы приближаемся. Лучше дойти пешком, сэр, и сделайте вид, что платите мне, как будто я общественное такси. Что мне делать? Остановиться здесь до утра?

— Да. Поставьте машину в муниципальный гараж; и если я не вернусь на первом пароходе, вернитесь в город. И пусть кто-нибудь доложит в Скотланд-Ярд. Сообщит им, куда я уехал. Давай, Доллопс, идем!

Мгновение спустя лимузин скрылся в темноте и исчез, а парочка англичан, направившихся на выходные

в Европу, спустилась по длинному пирсу между мерцающими фонарями к пароходу. Но задолго до того, как они добрались до судна, фигура на трапе — высокий человек с выправкой профессионального военного — покинула свой пост, как будто, когда они приблизились, свет позволил ему увидеть, кем они были, он потерял всякий интерес к ним и их действиям. Нэрком бросил на незнакомца взгляд краем глаза, когда они поднялись по трапу, поднялись на борт судна, и краткого взгляда оказалось достаточно, чтобы убедить сыщика в двух вещах: во-первых, этот человек был не только поразительно красив, но и был окружен своего рода аурой воспитанности, которая говорила о культуре, происхождении и положении в обществе; во-вторых, он был иностранцем со светлыми волосами и слегка сторбленным носом, что было характерно для моравийцев.

Вместе с Доллопсом Нэрком пробрался на корму, нависшую над темной, спокойной водой, туда, где свет был не слишком ярким, и примостился там, внимательно наблюдая происходящее на палубе.

Французский матрос проходил мимо. Нэрком оставил морячка.

— Скажи мне, — заговорил он, сунув шиллинг в руку парня, — ты случайно не знаешь, кто этот джентльмен, стоящий на пирсе?

— Да, мсье. Он приятель его величества короля Моравии Ульрика. Он часто встречался с нами во время пребывания его величества в Париже.

— Что за чертовщина, сэр, — неожиданно прошептал Доллопс, нервно вцепившись в рукав полицейского, когда моряк, коснувшись кепки указательным пальцем, пошел дальше по своим делам. — Апаши с одной стороны и эти моравийцы с другой! Я говорю вам, что они почему-то работают рука об руку — работают против него!

Нэрком поднял руку, призывая к молчанию, и повернулся, чтобы уйти туда, где меньше шансов быть

услышанным; потому что как раз в этот момент послышались голоса с самого неожиданного направления — с открытого моря. До сих пор не замеченная рыбацкая лодка подошла к пирсу.

— Вуаля, мсье, — сказал по-французски человек, который плыл в ней. — Разве я не сдержал свое слово и не обеспечил вашему превосходительству безопасность и скорость?

— Да, — согласился пассажир, к которому обратился рыбак. Он говорил на прекрасном французском языке, с мягкостью представителя высшего класса. — Вы действительно преуспели. Лучше, чем ждать в Кале утреннего рейса. Теперь я могу успеть на самый первый поезд в Лондон. Вы заработали свои деньги. Прощайте!

Затем послышался звук, словно кто-то покинул лодку и полез по трапу, а затем стук колес и свист пара приближающегося поезда. Нэрком, оглянувшись, увидел, что на вершине пирса появляется неуклюжий, плохо одетый парень, внешность которого отчетливо контрастировала с его голосом и манерой речи. Цвет его лица был желтоватым, а спутанные волосы, казалось, не знали стрижки годами; турецкая феска, грязная и полинявшая, болталась на его голове, а на руке висели несколько отрезков шелка и парчи и блестящие безделушки, выдававшие в нем бродячего торговца восточными тканями.

Этого было достаточно, чтобы Нэрком отвернулся, не думая об этом парне, но случилось нечто странное. Отойдя к тропинке, ведущей от пирса к городу, корабейник внезапно заметил мужчину, стоящего на трапе. Он резко остановился, оглянулся, чтобы убедиться, что никто не наблюдает за ним, затем, без лишних слов, внезапно повернулся на каблуках, сразу же направившись к трапу, и сел на судно. Моравиец не обратил ни малейшего внимания на него, он — на моравийца. После того, как поезд прибыл, Нэрком подумал, что знает, почему. Полицейский был озадачен, пытаясь понять,

зачем этот грязный восточный торговец, перебравшись через Канал в рыбацкой лодке, сделал это только для того, чтобы вернуться пакетботом в Кале.

К этому времени поезд прибыл, на пристань высыпала толпа. Носильщики бежали туда-сюда с багажом, и повсюду царили суета и растерянность.

Нэрком задумчиво наблюдал за трапом. Моравиец все еще был там, как и прежде, настороженно наблюдал за толпой цепким взглядом.

Толпа ринулась к трапу, таща в руках мешки и узлы, люди смеялись, толкались, болтали по-французски.

— Вот они, апаши! — шепотом сообщил Доллопс. — Вот они все, сэр. Следите за ними, когда они окажутся на борту, хозяин будет где-то рядом, и если они найдут его, хана! Не дай бог!

Апаши, кучками по два-три человека, взбирались на борт, не обращая внимания на восточного торговца. Вдруг он шмыгнул в их толпу и тут же растворился в ней.

— Джеймс! Происходит что-то странное! — пробормотал Нэрком, наблюдая за происходящим. — Если во время плавания моравиец заговорит с одним человеком из множества...

Он остановился, затаил дыхание и оставил остальную часть предложения недосказанной. Внезапно на пирсе появился маленький щеголеватый французский денди с пушистыми усами, скользящей походкой, с цветком в петлице и сверкающим щегольским «топ-пером» на голове. Нэрком с изумлением вспомнил, что он видел, как этот оживший манекен из магазина мужской моды проходил мимо Скотланд-Ярда дважды за последний день!

Модник между тем поднялся на борт, проплыв по трапу, точно по подиуму. Там все еще стоял моравиец, глядя на толпу и обращая на него внимания не больше, чем на кого-либо еще. Но с исчезновением этого изысканного франта, которому он не уделил внимания,

его бдительность и интерес куда-то исчезли; из зоркого стража моравиец превратился в праздного зеваку, гуляющего по палубе, пляясь на матросов. Когда раздался крик «Все провожающие — на берег!», он все еще бездельничал. Корабль отвалил от причала и, рассекая воды Канала, устремился во Францию, в Кале.

Ветер, незаметный в безопасном укрытии гавани, неистово играл волнами, обрушивая на палубы и такелаж облака брызг, и те пассажиры, которые не собирались укрываться в каютах и курительном салоне, столпились на корме.

— Идем! — прошептал Нэрком, хлопнув Доллопса по руке. — Мы не можем ни говорить, ни наблюдать в этой толпе. Лучше пойдем поищем уединения и покоя. Лучше одиночество, чем столпотворение. Пойдемте!

Мальчик повиновался, без возражений следуя за старшим товарищем по мокрой палубе, под нагромождениями намокшего такелажа, пока Нэрком не нашел убежище в тени, отбрасываемой спасательной шлюпкой, покрытой брезентом. Из этого безопасного укрытия они могли, вытянув шею, наблюдать за происходящим в курительном салоне через открытую дверь. И там сразу обнаружилось нечто интересное, потому что модный «месье» был там, выкуривая сигарету за сигаретой и потягивая время от времени абсент, который стоял на маленьком круглом столике у его локтя. Но ни моравийцев, ни апашей, ни восточного коробейника не было видно.

— Что ты думаешь об этом? — спросил Нэрком, когда через час неясные очертания французского побережья проступили на фоне чистого серебра залитого лунным светом неба. — Где наши друзья-апаши? Где коробейник?

— Путешествуют вторым классом, — уверенно объявил Доллопс, вылезая из-под шлюпки. Он осмотрел судно и снова забрался в свое укрытие. — Коробейник с ними, сэр. Делает вид, что впаривает им шмотки. Он один из

них; а если к ним присоединится еще и тот француз, или этот моравиец... не удивлюсь! Сидим тихо, держим ухо востро! Тут что-то начинается!

Внезапно моравиец появился на мокрой и блестящей прогулочной палубе и, насвистывая, прошествовал мимо открытой двери курилки.

«Месье» незаметно кивнул головой, услышав его мелодию. Он допил свой абсент, бросил сигарету и не спеша вышел на палубу. Моравиец был в конце прогулочной палубы — одного взгляда хватило, чтобы выяснить это. «Месье» решительно посмотрел в сторону лебедек и побрел вразвалочку, пока не добрался до самого конца крытой палубы, где изогнутая передняя часть рубки смотрела на промытую брызгами переднюю палубу, затем остановился, прислонился спиной к ней и замер, ожидая, на расстоянии десяти футов от укрытия Нэркома и Доллопса.

Минуту спустя моравиец, продолжая, по всей видимости, свою одинокую прогулку, приблизился к нему.

А потом понеслось!

«Месье» заговорил, осторожно, но четко выговаривая слова, не оставляя места для сомнений:

— Mon ami, дело сделано, — сообщил он странно звонким и высоким голосом. — Вы должны сообщить об этом министрам его величества. Вуаля, дело сделано!

— Дело не сделано! — ответил моравиец быстрым, резким, решительным шепотом. — Вы спешите с выводами и выдаете желаемое за действительное. Вот! Это вечерняя газета. Все оказалось бесполезно... Его там не было!

— Не было! Боже!

— Ш-ш-ш! Тише. Увидимся, когда причалим. Не здесь...Здесь слишком опасно. До свидания!

Затем они двинулись в разные стороны, моравиец продолжил свою неспешную прогулку, а «модник», сжимая газету, быстрым шагом вернулся в курилку.

Но теперь Нэрком и Доллопс опознали эту загадочную личность!

— Боже! Это женщина! — пробормотал Доллопс дрожащим голосом.

— Нет, не женщина — сам дьявол! — процедил Нэрком сквозь зубы. — Марго, Джеймс! Марго, собственной персоной! И кто он ей? Кто такой Клик, если король должен заключить договор с женщиной, чтобы убить его? Марго, черт ее побери! Что ж, теперь я возьму тебя, моя леди!

— Сэр, куда вы?

— К радисту, отправить сообщение начальнику полиции Кале, чтобы он встретил меня по прибытии! — ответил Нэрком. — Сиди здесь. Тихо! Подожди меня. Мы причалим через десять минут. У меня будет эта Иезавель и ее единомышленники, и я разберусь с исчезновением Клика, вырву его из их когтей, даже если мне придется перевернуть вверх дном всю Францию, чтобы сделать это.

— Господь да благословит вас, сэр, и простите меня! — пробормотал Доллопс с комком в горле и туманом в глазах. — Я часто говорил, что вы тормоз и размазня, сэр, но это не так — вы настоящий мужчина!

Но последних слов Нэрком не слышал. Он быстрым шагом направился в радиорубку. В следующий миг он вошел, закрыл за собой дверь, и Закон на море обратился за помощью к Закону на берегу через прозрачно-синий эфир и лунные волны.

ПЕРЕГОВОРЫ ЗАНЯЛИ МИНУТ десять. Сообщение прошло, и Нэрком вернулся в тень спасательной шляпки, рядом с лебедками. Огни пирса Кале светились желтым в сине-серебряной темноте. На палубе внизу люди суетились и пробирались к месту, где с палубы на пирс будет перекинут трап. На набережной сотрудники таможи готовились к предстоящему досмотру, носильщики носились в своих синих робах и фуражках, а вдалеке сквозь сумрак проступали темные очертания Кале...

А на верхней палубе вновь встретились в уединении лунной ночи моравиец и Марго, и разговор их был великолепно слышен из-под шляпки, где скрывались Нэрком и Доллопс.

— Итак, вы прочитали объявление: вы понимаете, что все это было бесполезно? — начал моравиец, обращаясь к преступнице, прикинувшейся модником, нервно сжимавшей в руке смятую газету. — Кошелек его величества не может расщедриться всей обещанной суммой за бессмысленную суматоху и глупый фейерверк. Говорите быстро; где мы можем поговорить в безопасности? Я не могу рисковать и торчать здесь, и я не буду рисковать в поезде. Должны ли мы подождать, пока не достигнем Парижа, мадемуазель? Или у вас здесь есть логово?

— У меня есть «логова», как вы их называете, в половине городов Франции, месье ле Конте, — ответила она со злобной ноткой обиды в голосе. — И я не работаю даром. Кто угодно, только не я! Я взяла гонорар за свою приверженность премьер-министру его величества и намереваюсь получить гонорар за свои услуги самому величеству, хотя у меня пока не получилось довести дело до конца. Этот вопрос должен быть решен раз и навсегда...

— Я догадывался, что так и будет, — ответил ле Конте, пожав плечами. — Где тогда переговорим? Решайте быстро. Они причаливают, и никто не должен видеть, что мы разговариваем, после того как мы сойдем на берег. Где тогда встречаемся?

— В гостинице «У семи грешников» — на набережной д'Лорма, вдали от порта. Любой извозчик доставит вас туда.

— Это безопасно?

— Все мои «логова» безопасны, месье. Эта гостиница нависает над водой. Если приходят незнакомцы, есть лаз. Один путь — в город и канализацию и в сорок других гостиниц. Другой — на моторную лодку, всегда

готовую отпальть. Вы можете выбирать, если потребуется. Вы не найдете это место закрытым — мои «логова» никогда не закрываются. Пароль? Там нет никого, кроме людей братства, и пароль вам не понадобится. Вы помните старую Маризу из «Витой руки» в Париже? Она сейчас служит в «Семи грешниках». Я повысила мадам Серпис до «Витой руки». Маркиза узнает тебя. Скажите ей, что я скоро приеду. Она и ее товарищи будут рады вам, и... Ла! Ла! Трап скинули. Они зовут всех на берег. Приходите, и мои люди проводят вас ко мне. До свидания.

— Au revoir, — повторил он и, скользнув, направился на берег.

Она подождала, чтобы он отошел, чтобы никто не мог связать их друг с другом, потом обернулась, пошла за ним и вышла на пирс, где ее команда уже собиралась. Когда и как она передала им свое распоряжение, что сегодня вечером они направляются не в Париж, а в гостиницу «У семи грешников», ни Нэрком, ни Доллопс, севшие ей на хвост, не смогли понять, потому что она, казалось, ни с кем не разговаривала.

— Никакой гостиницы «У семи грешников» для вас сегодня вечером, моя дорогая, если мой друг мсье Дюкруа должным образом отнесся к моей радиограмме, — пробормотал Нэрком, следуя за ней. — Смотри, Доллопс, и если увидишь сержанта де Виля, дай мне знать. У них нет багажа, и, кроме того, они — местные, поэтому пройдут таможеню в один миг... А вот и этот странный торговец... И без фески и драпировки, черт! Через таможеню проскочил как пуля! И другие тоже. И она после них — она, Джеймс! Боже! Где Дюкруа и его люди? Почему они не здесь?

Английский сыщик озирался в поисках французской полиции.

— Я ничего не могу сделать без него здесь, на чужой земле. Почему, во имя небес, его нет?

— Может быть, у него не было времени, начальник, может быть, его не было на месте, когда пришло

сообщение, — рискнул вставить слово Доллопс. — С тех пор, как сообщение было отправлено, не прошло и пятнадцати минут. Так что если...

— Вот и она! Идет! Проскочила таможенню, взглядом не моргнув, вот ведь Иезавель! — с невольным восхищением и досадой воскликнул Нэрком, увидев, как Марго проскочила через пункт досмотра на улицы города.

— Господи! Она опять уйдет...

— Она не уйдет! — заверил Доллопс, надвинув на глаза шляпу и поднимая воротник. — Подождите здесь, пока не придут копы. Я пойду за ней и посмотрю, куда она пойдет. Вроде как копы знают то место, спросите их об этом, а если не знают, я вернусь и отведу их.

Затем юноша поспешно шагнул в толпу, миновал инспектора и исчез в мгновение ока.

В течение десяти напряженных минут после того как юноша прошел таможенню и ускользнул в город Нэрком не находил себе места, мечась, точно тигр в клетке, прежде чем тихое позвякивание сабель в ножнах прозвучало чудесной музыкой, и, оглянувшись, британский детектив увидел, как господин Дюкруа входит на пирс во главе отряда полиции. Англичанин поспешил навстречу французскому коллеге.

— Десять миллионов извинений, мсье; но я отсутствовал, когда было принято сообщение от вас! — воскликнул Дюкруа на ломаном английском. — Я пришел и привел своих людей, как только получил его. Мсье, кто этот великий преступник, которого вы требуете арестовать? Он здесь?

— Нет, уже нет. Минутку, Дюкруа. Вы знаете место под названием «У семи грешников»?

— Конечно! Это всего лишь в двух шагах от берега, на набережной.

— Тогда пойдете со мной туда. Я сделаю вас самым популярным человеком во Франции, Дюкруа. Я передам в ваши руки эту ведьму из преисподней, Марго, королеву апашей!

Лицо Дюкруа расплылось в широкой улыбке.

— Мсье! — воскликнул он. — Эта женщина!.. Вы можете помочь мне арестовать эту женщину? Вы знаете ее? Вы сможете узнать ее? Но да, я ее помню! Однажды вы изловили это исчадие ада в своей стране, но она обманула вас, как и всех остальных!

— Она не ускользнет от вас, если действовать быстро! Награда и слава будут ваши. Я следовал за ней через Канал, Дюкруа. Я знаю, где ее можно найти наверняка. Она в гостинице «У семи грешников». Просто отведите меня туда, и я передам Иезавель в ваши руки.

Дюкруа не нуждался в уговорах. Перспектива арестовать легендарную преступницу вскружила полицейскому голову, он был вне себя от восторга. Парой десятков слов он сообщил эту славную новость своим людям, доведя их до восторженного безумия, в каком и сам пребывал. Затем с резким «Вперед, мсье!» он повернулся на каблуках, и отряд зашагал к новой цели. На полпути по узкой, чернильно-черной улице, ведущей к гостинице, они столкнулись с Доллопсом, мчавшимся им навстречу.

— Давайте, начальник, давайте, быстрее! — вскрикнул он, запыхавшись. — Она там... Они все там, веселятся и надираются до поросячьего визга, сэр, поют, танцуют, как сумасшедшие. И, сэр, он тоже там — тот коробейник! Я видел, как он подошел и присоединился к остальным. Давайте! Возьмем их тепленькими.

Если они просто бежали раньше, то теперь они почти летели. Мысль о том, что Марго, великая и ужасная Марго, королева преступного мира, была в пределах их досягаемости, подгоняла каждого, заставляя превзойти себя. Так что прошла только минута или две, когда они увидели гостиницу и подступили к ней грозной фалангой. А потом, именно тогда, когда еще одна минута могла бы все решить, Удача решила показать им кукиш.

Совершенно случайно апаш, выходящий из гостиницы по своим делам, поднял голову и увидел их, развернулся и что-то крикнул. Внезапно в ночь ворвался

торнадо музыки, смеха, пения и танцевальных мелодий, и когда они ворвались в дверной проем, парень торчал там, безмятежно куря, а внутри грохотала музыка и стояли облака табачного дыма.

В мгновение ока торчавший в дверях апаш был отброшен, дверь распахнулась, маленький решетчатый барьер за ней был отброшен в сторону, и полиция ворвалась в танцзал неудержимой лавиной.

Когда они появились, музыка прервалась, танцоры закричали, словно в панике, и раздался грозный рык Дюкруа:

— Стоять на месте во имя закона!

Толстая женщина за стойкой взмахнула руками и заголосила:

— Пресвятая Дева! За что, мсье, за что? Не грех смеяться и танцевать. Мы не нарушаем закон, мои клиенты и я. Что мы такого сделали, чтобы вы накинулись на нас вот так?

Ах, что, на самом деле? Ничего. Толпа танцоров и гуляк, и никаких следов Марго и моравийца.

— Мсье! — начал Дюкруа, обращаясь к Нэркому, метавшемуся в поисках хотя бы каких-нибудь следов. — Мсье, это было ошибкой?

Нэрком не ответил. Внезапно, однако, он вспомнил, что было сказано о потайном ходе, и, оттолкнув группу девушек, обнаружил в середине пола хорошо замаскированный люк.

— Вот оно, вот как она вышла! — крикнул он. — Заперто, Джеймс! Болт с нижней стороны! Иезавель вскочила в эту нору!

Дюкруа и Доллопс помогали ему, и они тянули, и тянули, и тянули, и тянули, они не могли сдвинуть крышку с места ни на один дюйм.

— Мсье, нет — какое безумие! Лаз? Нет, он вовсе не лаз! Это всего лишь квадрат, где пол был поврежден, отремонтирован и зачищен! Пресвятая Дева Скорбящая, это так!

Тут неожиданное открытие заставило Нэркома отвлечься от возни с люком. В углу лежал человек, изображавший мертвецки пьяного. Это был тот самый торговец, что приплыл в Англию на рыбацкой лодке, но тут же отправился обратно. Детектив набросился на «алкоголика», прежде чем тот смог пошевелиться.

— Вот, по крайней мере, один из них! — закричал он и принялся трясти его изо всех сил. — Вот один из приятелей Марго, Дюкруа. В конце концов вы не уйдете с пустыми руками.

Крик ужаса раздался в зале, когда он увидел лицо мужчины. Очевидно, они были мастерами актерского искусства, эти апаши, потому что можно было поклясться, что каждый мужчина и каждая женщина в зале были поражены присутствием на их вечеринке этого отброса общества.

— Матерь божия! Кто этот оборванец? — воскликнула Мариза. — Господа, я его не знаю. Я не видела его ни разу до этого мига! А ну, говори! Кто ты такой, что ты приходишь вот так и портишь репутацию благочестивой и солидной вдове, пес? А?

Мужчина сделал движение сначала к ушам, затем ко рту, затем начал делать движения на языке жестов, но не произнес ни слова.

— Ла, ла! Он глухонемой, мсье, — сказал Дюкруа. — Он не слышит и не говорит, несчастный.

— Давно ли? — с мрачной иронией в голосе спросил Нэрком. — Он говорил достаточно хорошо пару часов назад, клянусь. Мой молодой друг и я слышали, как он беседовал, расплачиваясь с рыбаком, который привез его в Дувр, незадолго до того, как он пробрался на борт пакетбота, чтобы вернуться с Марго и моравийцем назад во Францию. Станный поступок...

Глаза апашей уставились на лицо человека с внезапным острым интересом, который могли понять только они; но он все еще стоял, качая своей большой головой, пьяно или идиотски, и указывая на уши и рот.

— Задержите его! — приказал Нэрком, отдавая его в руки крепкого сержанта де Виля. — Я предстану перед судьей и предъявлю ему обвинение утром, и все прояснится. Он из этой кровожадной банды! Только, молю, не упустите его! Боже! Опять упустили эту женщину! Потеряли ее в конце концов!

Это был болезненный удар, конечно, но ничего не оставалось, как улыбаться. Искать Марго в любой из ее гостиниц или охотиться в ночных водах за ее моторной лодкой было бы верхом глупости. Удрученный Нэрком решил пойти ночевать в ближайший отель; дождавшись, пока арестованного уведут, полицейский взял Доллопса за руку и поплелся своим путем.

УТРОМ ОН ВЫПОЛНИЛ свое обещание; и задолго до прибытия судьи и даже до того, как ночной урожай арестантов был доставлен из тюрьмы и брошен в три маленьких камеры суда, он был на месте с Доллопсом и Дюкруа, с удивлением наблюдая, как группы злобных парней из племени апашей толпятся вокруг здания. Позже другие из той же породы проскользнули и заняли места в маленьком зале суда и постоянно шептались друг с другом, пока ждали начала утреннего заседания.

— Смотрите, начальник, вы только посмотрите на них — в этом благословенном месте собрались настоящие громилы, — прошептал Доллопс. — Как вы думаете, это не опасно? Не собираются ли они освободить нашего корбейника? Двадцать молодчиков еще ждут за дверью...

Нэрком не ответил. Судья прибыл, заседание началось.

Сначала началось разбирательство по всем тривиальным делам — ночная жизнь и ее прелести: пьяницы и беспорядки, бродяги и парии. Одного за другим их приводили, взыскивали штрафы и выгоняли вон, не уделяя особого внимания; этой частью утреннего заседания никто не интересовался, даже апашаши. Список деяний зачитывался монотонно. Последний грязный

и вонючий — отвратительный, обезьяноподобный негодяй, чье жестокое выражение лица вызвало отвращение у Нэркома, когда он, воняя своими грязными лохмотьями, заплатил свой штраф и ушел, и теперь до начала разбора серьезных дел остался лишь случай попытки самоубийства. Этот случай занял внимание магистрата, возможно, минут на двадцать или около того, а затем раздался голос, призывавший неизвестного, арестованного вчера вечером в гостинице «У семи грешников», предстать перед ним.

В одно мгновение рябь волнения пробежала по залу суда и по двору здания. Братство апашей, сидевшее в зале, передавало слова братству апашей снаружи, и они насторожась ждали — молчаливые, хмурые, напряженные, словно затаившиеся перед прыжком тигры, ожидая развития событий. Все взгляды были устремлены на дверь, через которую должен был войти притворный немой. Но хотя другие входили при первом звонке, он не пришел даже при втором, и судья только что дал нетерпеливое указание, чтобы бродяга был вызван в третий раз, когда раздался грохот сапог, и охранник камеры содержания ворвался в зал суда, бледный, как мертвец, и дрожащий, как осиновый лист.

— Мсье ле Жуж! — закричал он, патетически воздев руки. — Будь я проклят, что мне сказать? Его нет! Он ушел!.. Он сбежал... Тот неизвестный. Когда я открыл камеру и позвал Жана Ламаро, пьяницу, по делу, предстоящему последнему, из темноты вышел ко мне тот, кто, как я подумал, и был пьяницей Жаном Ламаро. Но, мсье, он не был Жаном Ламаро!.. А теперь я пошел за неизвестным, когда он не отозвался. Я пошел и зажег свет, и там был он, настоящий Жан Ламаро — без одежды, задущенный до потери сознания, один на полу, а неизвестный ушел в его лохмотьях, заплатив его штраф!

Раздался громкий крик, зал суда превратился в сумасшедший дом. Апаши повскакивали со своих мест

и кинулись наружу; затем, объединив силы с соратниками на улице, рассеялись и побежали по улицам искать сбежавшего коробейника.

Глядя на весь этот бедлам, Нэрком сидел, прикрыв лицо руками, чтобы скрыть истерический смех. Он, наконец, все понял.

— Клик! — пронзительно и радостно прошептал он на ухо Доллопсу. — Только один человек во всем мире мог повернуть это дело, только один человек во всем мире посмел бы. Это был он — это был Клик! Да благословит Бог его душу!

— Аминь, сэр, — вздохнул Доллопс, сглотнув; затем они вышли на улицу.

Минуту спустя какой-то нищий протянул к ним грязную руку и заскулил:

— Булонь, мсье. Набережная Ангелов. Третий дом от берега; как раз к полуденной лодке через Фолкстон. Подайте мне два франка, пожалуйста. Мсье сказал, что вы сделаете, если я скажу это вам, когда вы выйдете из здания суда.

Два франка сразу же оказались в его руке, а менее чем через минуту извозчик уже вез Нэркома и Доллопса на железнодорожную станцию, и следующий поезд умчал их в Булонь. В полдень они прибыли на набережную Ангелов и направились к третьему дому от берега — маленькой таверне с игрушечным садиком и своего рода аркадой позади, и там под миндальным деревом с сигаретой в руке и цветком в петлице сидел он.

— Хозяин! Ох, да благословит вас Господь, хозяин, это действительно вы? — воскликнул Доллопс, бросаясь к Клику, как девушка к любимому.

— Да, это действительно я, — ответил Клик с типичной для него легкой усмешкой. Затем он встал и протянул руку Нэркому. И мгновение или два они стояли, сжав друг другу руки, не говоря ни одного слова, не издавая ни единого звука. — Ты почти испортил мне

всю игру, мой чрезмерно усердный друг, — заметил Клик после затянувшейся паузы. — Мне хотелось прибить тебя, когда ты оказался с толпой копов в кабаке «У семи грешников». Еще десять минут, и в моих руках было бы то, что заставило бы его моравское величество дать Ирме свободу и отречься от престола в пользу своей супруги. Но тут ты приперся, дорогой старый, неотесанный друг. Когда я поднял взгляд и узнал тебя... Ну, в общем, проехали!.. Я возвращался в Лондон, когда случайно увидел графа Вальдемара на вахте возле парохода в Кале. Он караулил меня, собака, шел за мной по пятам в Париже — и тут я увидел шанс сбросить его с хвоста. Господи! Как раз вы и сообщили этим апашам, что я только что прибыл с этой стороны и сел на пакетбот, потому что увидел Вальдемара. Они догадались. Я не мог говорить там, и я не осмелился бы говорить в суде. Они были там, внутри здания и снаружи, выжидая, чтобы убить меня ножом, как только убедятся, что я — это я. Я должен был уйти... Я должен был пройти мимо них и... Вуаля.

Он повернулся, положил руку на плечо Доллопса и тихо рассмеялся.

— Новое место в порядке, старина? Сад хорошо себя чувствует, и все мои ловушки наготове, а?

— Да, сэр, Бог да благословит вас, сэр. Все устроено, как вы распорядились, сэр, все в порядке.

— Хороший парень! Тогда — пора домой! Мой отпуск во Франции закончился, мистер Нэрком, и я снова возвращаюсь в строй. Я нужен тебе, старый друг, и я сказал, что приду, если ты позовешь. Дай мне несколько дней отдыха в старой доброй Англии, дорогой друг, а потом разберемся с вашими загадками, и я снова стану человеком Скотланд-Ярда...

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕЛОВЕК ИЗ СКОТЛАНД-ЯРДА

Пролог	
Поиски человека, который исчез	6
Глава I	38
Глава II	45
Глава III	57
Глава IV	65
Глава V	70
Глава VI	75
Глава VII	82
Глава VIII	90
Глава IX	100
Глава X	108
Глава XI	113
Глава XII	120
Глава XIII	132
Глава XIV	140
Глава XV	148
Глава XVI	155
Глава XVII	160
Глава XVIII	168

Глава XIX	174
Глава XX	183
Глава XXI	193
Глава XXII	203
Глава XXIII	212
Глава XXIV	219
Глава XXV	226
Глава XXVI	233
Глава XXVII	240
Глава XXVIII	246
Глава XXIX	252
Глава XXX	258
Глава XXXI	263
Глава XXXII	268
Глава XXXIII	273
Глава XXXIV	284
Глава XXXV	291
Глава XXXVI	304
Глава XXXVII	306
Глава XXXVIII	316
Эпилог	
Дело о человеке, который найден	323

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГАМИЛЬТОНА КРИКА

Загадка сиреновой комнаты	358
Украденное кольцо	375

Литературно-художественное издание

Томас Ханшеу

**ЧЕЛОВЕК ИЗ
СКОТЛАНД-ЯРДА**

Редактор А. Соловьев

Корректоры А. Филимонова, О. Шепитько

Компьютерная верстка Н. Лаптева

Дизайн обложки С. Соловьева

Подписано в печать 10.06.2019. Формат 84×108/32

Печ. л. 12,5. Гарнитура «Bookman Old»

Тираж 1000 экз. Заказ

ИД «Флюид ФриФлай»

109382, Москва, ул. Краснодонская, д. 20, кор. 2

тел. +7 (985) 8000 366

fluidfreely.ru

e-mail: info@fluidfreely.ru

Интернет-магазин www.gorodets.ru

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография».

Филиал «Чеховский Печатный Двор».

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

www.chpd.ru

тел. +7 (499) 270 7359

16+

СЛЕДСТВИЕ ВЕДЕТ ГАМИЛЬТОН КЛИК

Томас Ханшеу родился в Бруклине в 1857 году. С 16 лет играл в театре, сначала второстепенные роли, позже вместе с такими известными актрисами, как Клара Моррис и Аделаида Нейлсон — главные. В 1892 году вместе с семьей переехал в Великобританию.

Известность Томасу Ханшеу как автору принесла серия книг о «человеке с тысячью лиц» Гамильтоне Клике (к этой серии принадлежит и представленный роман «Человек из Скотланд-Ярда»), впервые появившемся в рассказах в 1895 году. Всего Томас написал более 150 романов. Часть их написана в соавторстве с женой Мэри Ханшеу.

www.gorodets.ru

ISBN 978-5-906827-81-4

9 785906 827814

издательский дом

ФЛЮИД

FreeFly